

«Хронотоп» М.М. Бахтина
во «времени и пространстве»
еврейского национального характера А.З. Штейнберга?

Леонид Ф. Кацис

*Российский государственный гуманитарный университет
Москва, Россия, batya-94@mail.ru*

Аннотация. Этуд посвящен доказательству тезиса о том, что известное понятие «хронотопа» в философии М.М. Бахтина, по-видимому, восходит к неопубликованным до 2018 г. работам еврейского философа А.З. Штейнберга о еврейском национальном характере, так же точно, как многие идеи М.М. Бахтина в его книгах о Ф.М. Достоевском восходят к докладам и книге А.З. Штейнберга «Система свободы Достоевского» (Берлин, 1923 г.), основанной на докладах 1921 г. в Вольной философской ассоциации в Петрограде. Высокую вероятность этому предположению придает собственный отзыв А.З. Штейнберга о М.М. Бахтине «...я был первым», ставший известным только в 2017 г. Работа А.З. Штейнберга встраивается в широкий контекст русской философии того времени и включает имена И.В. Розанова, В.С. Соловьева, М.О. Гершензона.

Ключевые слова: А.З. Штейнберг, М.О. Гершензон, М.М. Бахтин, В.В. Розанов, В.С. Соловьев, «Система свободы Достоевского», «Тройственный образ совершенства»

Для цитирования: Кацис Л.Ф. «Хронотоп» М.М. Бахтина во «времени и пространстве» еврейского национального характера А.З. Штейнберга? // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2019. № 4. С. 20–33. DOI: 10.28995/2073-6401-2019-4-20-33

M.M. Bakhtin's "Hronotop" in A.Z. Steinberg's "Time and Space"
on the Jewish national character

Leonid F. Katsis

Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia, batya-94@mail.ru

Abstract. An essay is devoted to proving the thesis that the well-known concept of "chronotope" in the philosophy of M.M. Bakhtin apparently goes back to the works of the Jewish philosopher A.Z. Steinberg on the Jewish national character, unpublished until 2018. As it was shown earlier and it is well-known

for many decades M.M. Bakhtin's ideas in his books about F.M. Dostoevsky go back to A.Z. Steinberg's the reports in the Free Philosophical Association in Petrograd in 1921 and the book "System of Freedom of Dostoevsky" (Berlin, 1923), based on the above reports. A high probability to that assumption is supported with the comment about M.M. Bakhtin "...I was the first" made by A.Z. Steinberg, which became known only in 2017.

A.Z. Steinberg's work is viewed in a wide context of the Russian philosophy of the time and includes the names of V.V. Rozanov, V.S. Solovyov, M.O. Gershenzon.

Keywords: A.Z. Steinberg, M.O. Gershenzon, M.M. Bakhtin, V.V. Rozanov, V.S. Solov'ev, "The System of Freedom of Dostoevsky", "The Triple Image of Perfection"

For citation: Katzis, L.F. (2019), "M.M. Bakhtin's 'Hronotop' in A.Z. Steinberg's 'Time and Space' on the Jewish national character", *RSUH/RGGU Bulletin. "Philosophy. Sociology. Art Studies" Series*, no 4, pp. 20-33, DOI: 10.28995/2073-6401-2019-4-20-33

К сожалению, даже такой проникновенный писатель, как Вл. Соловьев, быть может, самый проникновенный из всех писавших о еврейском национальном характере, не избежал опасности искать единство этого характера вне его самого. Для него, таким образом, неизменно ко всему приложимым принципом единства было его христианское богопознание.

[Штейнберг 2018, с. 125]

В истории русской философии давно утвердилось первенство М.М. Бахтина в использовании термина «хронотоп», т. е. некоего единого пространства-времени художественного произведения в особых соотношениях, связанных с различными типами романа.

Кроме того, с именем М. Бахтина связывается и тот особый подход к изучению творчества Ф.М. Достоевского, который связан с понятиями «диалог» и «полифония».

Однако столь же давно известно, что в 1923 г. в Берлине вышла книга А.З. Штейнберга «Система свободы Достоевского»¹, где вся

¹ Штейнберг А.З. Система свободы Достоевского. Берлин: Скифы, 1923; Репринт: Париж: ИМКА-пресс, 1980 [Электронный ресурс]. URL: (https://imwerden.de/pdf/steinberg_sistema_svobody_dostoevskogo_1923_1980.pdf (дата обращения 10 октября 2019)).

эта и порой куда более сложная и фундированная терминология успешно использовалась.

В условиях, когда наиболее фанатичные поклонники М. Бахтина готовы все, что угодно, называть «Бахтин под маской», дата выхода берлинской книги Штейнберга, не говоря уже о его докладах в Вольфиле, спасает нас от появления очередной, на сей раз «Еврейской маски Бахтина».

Ситуация еще более осложнилась, когда в 2000 г. В.Г. Белоус опубликовал протоколы двух заседаний Вольной философской ассоциации с выступлениями А.З. Штейнберга [Белоус 2005, т. 1]. Эта публикация позволила расшифровать примечание в «Системе свободы Достоевского», где говорилось о том, что эта книга представляет собой обработанные тексты указанных докладов на LXXXVIII и LXXXIX². Тогда же мы предприняли специальное исследование этих стенограмм, которые показали, что книга Штейнберга является их прямым продолжением, а не просто публикацией докладов.

Более того, сначала в публикации В.Г. Белоуса, а позже и в фундаментальном томе трудов Штейнберга появились сперва отрывки, а затем, по израильскому архиву Штейнберга, материалы дискуссии по докладу, в числе прочего, с А.А. Мейером [Штейнберг 2011]. Именно продолжением этих споров явилась берлинская книжка. Из редкой публикации протоколов кружка А.А. Мейера «Вторники» в «Вестнике Еврейского университета» мы получили еще некоторые соображения относительно тех проблем, которые обсуждали два философа. Не вдаваясь во все подробности, заметим, что спор их перерастал в серьезный религиозно-философский иудео-христианский диалог о проблемах первичности и вторичности иудаизма и христианства, о русском пророчестве, о том, в каком смысле предельно русский и христианский писатель Достоевский может рассматриваться в рамках древнееврейского пророчества и т. д.

Совсем недавно постоянный публикатор и комментатор А.З. Штейнберга Н. Портнова опубликовала сенсационный документ, имеющий прямое отношение к нашей теме, однако требующий не только комментария, но и анализа.

Вот этот текст в изложении публикатора:

В России 1920-х гг., в обстановке осуждения «буржуазного» и «реакционного» писателя, появилось несколько серьезных работ: Л. Гроссмана, Ю. Тынянова, В. Вересаева, но они не касались общих вопросов. С «Системой» сопоставима только одна книга конца

² Штейнберг А.З. Указ. соч. С. 7.

1920-х гг. – монография М.М. Бахтина «Проблемы творчества Достоевского» (1929), убедительно развивавшая тему диалога в направлении эстетики слова.

Бахтин, несомненно, знал о работе предшественника, но не упомянул его в предисловии. А. Штейнберг, читавший новое издание 1963 г. (в списке книг, предстоящих прочтению, оно было первым), но не оставил об этом никаких замечаний. Молчал он и во время регулярной переписки с Ф. Каплан, пока она не спросила прямо. Он ответил: «я был первым...» (ПСФК)³ [Штейнберг 2017, с. 20].

Ничего близкого мы не знаем, нам неизвестны те, кто в противовес «масочной теории» мог тогда такое о себе сказать.

Это позднее высказывание Штейнберга, который постоянно возвращался к идеям своей ранней юности, могло бы так и остаться лишь странностью стареющего философа на фоне нарастания всемирной славы Бахтина, если бы не один текст, вообще не связанный с Достоевским и даже теорией или философией литературы, который Н. Портнова опубликовала в сборнике «Исследования по истории русской мысли» за 2018 г. [Штейнберг 2018]. Его название, с одной стороны, настолько не связано с нашей темой, насколько связано с основной проблематикой споров между А. Штейнбергом и А.А. Мейером. Это довольно обширное сочинение: *А.З. Штейнберг. О еврейском национальном характере (социально-психологический этюд) [1922]*.

Первое, что нас здесь привлекает, – дата, точно посередине между докладами о Достоевском как мыслителе в Вольфиле 1921 г. и Берлинской «Системой свободы Достоевского», написанной еще в России в 1922 г., судя по дате предисловия, и опубликованной в 1923 г.

С другой стороны, история этой рукописи или машинописи представляет особый исторический интерес, так как она до наших дней не публиковалась:

В роковом 1922 г. в Советской России прекращалась деятельность многих кружков и обществ русской интеллигенции, в том числе Вольфилы, научным секретарем и активным участником которой он был. Под предлогом продолжения своих философских занятий Штейнберг собирался покинуть родину. Перед самым отъездом к нему обратился критик Аркадий Георгиевич Горнфельд с предложением написать статью о еврейском национальном характере для задуманного М. Горь-

³ То есть переписка с Семеном и Фанни Каплан. В архиве Штейнберга. Вох. XVI–XIV.

ким сборника. «Рукопись, напечатанную на машинке, довольно объемистую работу, я оставил у него». Сборник не вышел, а Штейнберг так и не узнал о судьбе своей работы. Но за тему он был признателен Горькому, ибо вскоре написал, как бы в ее продолжение, статью о русском национальном характере на немецком языке», – сообщает Н. Портнова [Штейнберг 2018, с. 98].

К сожалению, нам неизвестно, о какой из многочисленных инициатив Горького идет речь, а вот Горнфельд тогда, действительно, активно писал в русско-еврейских печатных изданиях. В любом случае нас интересует текст Штейнберга, который только что стал доступен для анализа, поскольку историческая схема претекстов Бахтина уплотнилась до трех лет, в каждый из которых Штейнберг последовательно развивал свою свободную Систему философии⁴ в самом прямом смысле.

Главной особенностью этой Свободной системы, породившей «Систему свободы Достоевского», является глубочайший еврейско-русский экзистенциальный слой, также абсолютно не имеющий аналогов в истории русской философии⁵. В жизни А.З. Штейнберга имел место период, когда от самоубийства его спасли именно тексты Ф.М. Достоевского, в частности и в основном «Сон смешного человека» [Штейнберг 2014, с. 272–273], о чем он помнил до конца своих дней, от первого доклада о Достоевском до времени после выхода его английской книги 1960-х гг.

Неудивительно, что и свою специальную статью о еврейском национальном характере А. Штейнберг начинает цитатой из В.С. Соловьева, которую исключительно тонко обрывает, начиная с названия и кончая завершением мысли в целостном абзаце, чтобы начать на него отвечать со всей серьезностью. В 1922 г. такой стиль философствования был вполне понятен и доступен грамотному читателю, актуальность Соловьева для которого не сильно отличалась от актуальности Бибихина или Пятигорского для наших заинтересованных современников.

⁴ Обоснование такого понятия мы провели на Международной конференции в СПбГУ («Basic Concepts and Categories of Jewish Thought: Sources and Contexts» May 29–31, 2019) в докладе «Система свободной философии А.З. Штейнберга», который планируется опубликовать в журнале «Judaica Petropolitana».

⁵ В настоящей заметке не анализируется еще и «взаимодополнительная» проблема «юмора» как желание постоянного переворота верха и низа по принципу «ишха мистабра» («а если наоборот» араб.) в контексте проблемы «пространства-времени». О чем см.: [Штейнберг 2018, с. 138–140].

Поэтому приведем общеизвестную цитату В.С. Соловьева из его статьи «Еврейство и христианский вопрос» полностью вместе с названием раздела:

ПОЧЕМУ ИУДЕЙСТВО БЫЛО ПРЕДНАЗНАЧЕНО
ДЛЯ РОЖДЕНИЯ ИЗ НЕГО БОГОЧЕЛОВЕКА МЕССИИ,
ИЛИ ХРИСТА?

Поскольку *назначение исходит от Бога*, оно есть *дело безусловной свободы*. Но *свободу Божественную* не должно мыслить наподобие человеческого произвола или пристрастия; *истинная свобода не исключает разума*, а по разуму такое назначение или избрание, будучи ***отношением*** (здесь и далее так – курсив В.С. Соловьева. – Л. К.) Бога к известному предмету, соответствует не только свойству избирающего, но и качеству избираемого. В *национальном характере евреев* должны заключаться ***условия*** для их избрания. Этот характер в течение четырех тысяч лет успел достаточно определиться, и нетрудно найти и указать его отдельные черты. Но этого недостаточно: нужно еще понять их совокупность и взаимную связь. Никто не станет отрицать, что национальный характер евреев обладает цельностью и внутренним единством. Между тем мы находим в нем три главные особенности, которые, по-видимому, не только согласуются, но и прямо противоположны между собою.

Евреи прежде всего отличаются глубокой религиозностью, преданностью Богу своему до полного самопожертвования. Это народ закона и пророков, мучеников и апостолов, «*иже верою победиша царствия, содеяша правду, получиша обетования*». (Посл. к Евр. XI, 33). (Курсив наш. – Л. К.).

Теперь достаточно взглянуть на цитату из Штейнберга, следующую за эпиграфом из В.С. Соловьева, чтобы стало ясно: проблему еврейского национального характера А.З. Штейнберг решает в споре или диалоге с Соловьевым.

Вот первый абзац Штейнберга:

Самым прочным и бесспорным достоянием еврейского народа ныне является *его национальный характер*. *Без естественной почвы под ногами, лишенный какой бы то ни было всеобъемлющей национальной организации, без общего живого языка, развеванный по всем четырем странам света*, «*аки песок у берега морского*», еврейский народ до сравнительно недавнего еще времени олицетворялся ***как единство своим единосущим Богом***, своей *единой национальной верою*. Ныне исчезает все быстрее и заметнее и этот последний

как будто оплот всенародного единства; сбывается слово пророка: «с числом городов твоих сравнялось число твоих Богов, о, Иудея»; каждый верует или не верует по-своему. Так постепенно *из простого и несомненного факта исторической жизни еврейство превратилось в научную проблему и общественную загадку*. Да существует ли еще вообще еврейской народ? (Все курсивы наши. – Л. К.) [Штейнберг 2018, с. 99].

Выделенное нам жирным курсивом имеет принципиальное значение для понимания всей глубины спора с В.С. Соловьевым, рассматривающим еврейский вопрос только в качестве предварения прихода Мессии из его среды. Соловьев сам использует очень интересный тройственный эпиграф: «В оный *день Израиль будет в третьих* с Мицраимом и Ассуром; благословение будет посреди земли, которую благословит Господь Саваоф, говоря: благословен народ Мой Мицраим, и дело рук Моих – Ассур, *и наследие Мое – Израиль*». Исаяи XIX, 24, 25.

Теперь, чтобы предмет полемики и философско-теологическая позиция А.З. Штейнберга и его место верующего философа иудея в диалоге с русским религиозным философом, считающим еврейский вопрос – христианским (здесь чистые этико-гуманистически соображения не работают), надо обратить внимание на два слова с корнем «един» в тексте Штейнберга и определением Троицы в Символе Веры:

Вѣрую во единаго Бѣга Отца, Вседержителя, Творца небу и земли, видимым же всем и невидимым. И во единаго Господа Иисуса Христа, Сына Божия, Единороднаго, Иже от Отца рожденнаго прежде всех век; Света от Света, Бѣга истинна от Бѣга истинна, рожденна, несотворенна, *единосущна Отцу*, Иже вся быша.

Разница только в одной букве «н», но смысл от этого меняется принципиально: у иудеев – Бог – единосущ, следовательно, существует только он, а у христиан в таком понимании, Сын Божий являет собой единую сущность (природу) с Всевышним или Богом Отцом.

Такого рода текстовая игра всегда сопровождает мышление Штейнберга и требует постоянного к себе внимания.

При этом, Штейнберг будет работать методами и приемами всей современной ему философии. Мы не будем сейчас в небольшом этюде вдаваться в тонкие проблемы взаимодействия мысли Штейнберга с наследием Маймонида и других еврейских философов, с которыми стоит сопоставить его развитие понятия «Сво-

бода» (здесь называемый Соловьевым Б. Спиноза с его очень личным протестом против некоторых положений иудаизма и рвущийся к свободе мысли и личности не очень релевантен), скажем лишь, что у Маймонида можно легко встретить выражения типа «один грек говорил», где имеется в виду Аристотель. Достаточно долго в еврейском мире это приводила к неприятию идей Моисея Маймонида.

Однако, как и Моисей Маймон, Штейнберг – философ сугубо еврейский, поэтому он очень чутко относится и к той троице, которую его предшественник указал в эпитафии к своей статье. Вот она, неназванная, но очевидная, в его тексте:

...в чем видим мы его проявление как в истории, так, что еще более важно, в современности. Отсюда естественно будет подойти и к последней нашей теме: к вопросу об источнике жизнеспособности этого еврейского национального характера, то есть о значении его в жизни отдельного еврея, еврейского народа и всего человечества, с судьбой которого так неразрывно связалась судьба жестоковыйного Израиля.

Давно известно, что чем истина очевиднее, тем труднее ее доказать. <...> От Гомера и Библии, через все средние века вплоть до наших дней, с их особо богатой исторической и публицистической литературой, мысль человеческая неизменно [стремится] закрепить в ясных и отчетливых формулах результаты своих пытливых наблюдений над душевным складом не только отдельных лиц, но и самых сложных человеческих объединений, целых эпох и культур, государств и народов. **Осознание различия между Ассуром и Мицраимом, между эллином и варваром, или эллином и иудеем**, так же старо, как осознание различия между юношей и старцем, между мужчиной и женщиной, волком и ягненок.

Вот эта скрытая цитата-ответ на эпитафию к статье В.С. Соловьева, которая прямо ведет нас к ответу на его очень непростое построение [Штейнберг 2018, с. 103].

Однако Штейнберг готов идти еще дальше. Если в иудаизме Бог един, единосущ, а ипостась Троицы единосущна, то при обсуждении еврейского вопроса как философского неизбежно возникает проблема определения национального характера в рамках позитивной науки, восходящей, естественно, к открыто называемым Штейнбергом Штенталю и Лазарусу, к науке антропологии. И именно здесь Штейнберг в очередной раз применяет свой знаковый нам стилистический прием (кому как нравится) спора или диалога:

Здесь антропология (что в точном русском переводе означает человекословие) не могла бы совпасть с антропофобией, с человекобоязнью и человеконенавистничеством или с их разновидностями, но и с гомофобией, германо-руссо-юдофобией. И пусть не говорят, что достаточно всяких фобий и у самых выдающихся представителей философской мысли, поскольку в них такие пороки и слабости проявляются, постольку мы имеем дело с несовершенством их личной природы, с их философской непоследовательностью, а не с несовершенством или непоследовательностью самой философии. Потому что для философии как таковой немислимо в понятии человека подчинить всего человека одному его общему понятию. Недаром, как прекрасно отметил это Коген, Сократ и само то общее понятие открыло лишь понятие человека. Так открывается глубочайшая связь между антифилософским духом всей второй половины прошлого века и стремлениями обосновать «научно» пангерманизм, панславизм, антисемитизм. Последний пункт имеет, однако, как мы уже сказали, еще совершенно особое значение. В сущности, сосредоточение внимания в еврейском вопросе в Европе и было тем поворотным [моментом] в истории проблемы национального характера, который привел от «Речи к немецкому народу» Фихте к «Основам XIX столетия» Чемберлена [Штейнберг 2018, с. 106].

Таким образом, философская антропология противопоставляется началу Евангелия от Иоанна: «В начале было слово, и слово было у Бога, и слово было Бог».

Ведь для иудея «В начале Бог создал...» к шестому дню уже и Человека-Адама. Но никак не слово. Здесь мы не можем вдаваться в подробности, но именно этот эпизод является базовым в еврейском философском мышлении Штейнберга, более того, он даже утверждал, что создал свой собственный Мидраш Аарона, в котором особое место именно при анализе творчества Достоевского принадлежало моменту называния имен Адамом.

Неудивительно, что через несколько страниц появятся понятия «человек» и «свобода», и раз уж речь пойдет об исторической роли евреев, и смысл мирового исторического процесса: «Но вот восстает перед нами человек во весь человеческий рост. Свободная творческая личность – она совместно с другими, столь же свободными творческими личностями принадлежит к органической культурной среде и в среде этой является деятельной участницей общеисторической жизни, связанной воедино задачей цельного человечества».

Именно в этот контекст встраивается «Система свободы Достоевского» с удивившими А.А. Мейера идеями Штейнберга о близости

сти мышления автора «Сна смешного человека» к типу мышления иудейских пророков, о чем мы не раз говорили ранее.

Сюда же, в продолжение общего спора с В.С. Соловьевым, как всегда мягко и неназойливо, встраивается и полемика с «Тройственным образом совершенства» М.О. Гершензона, еврея, но не еврейского мыслителя, который в изложении Штейнберга совсем, понятно, не тройственный и даже не образ:

Общечеловеческая задача высшего совершенства, с которой мы сталкиваемся в каждом отдельном разумном существе, таким образом, видоизменяется в зависимости от природного своеобразия этой отдельной личности. Принципиальная тройственность ее характера отражается соответственно в тройственности нравственного существа человека. В борьбе за человека как самоцели со своей индивидуальной судьбой, которая есть его истинно природная стихия, человек преодолевает свою природу, реализуя в природе то, что помимо него есть лишь абстракция и схема. Чем больше я живу, как особь, чем больше я отпал от природного безразличия родовой жизни, тем значительнее моя задача подняться над собой и превратить мою индивидуальность в индивидуальность окружающей среды и в единую индивидуальность всего человеческого рода [Штейнберг 2018, с. 113].

А это рассуждение переходит в гершензоновско-федоровский синтез в исполнении еврейского философа свободы, единства и единственности, когда и возникает логос, так изящно обойденный им в рассуждениях об антропологии как не бого- а человекословии: «Вся жизнь человеческая превращается в сплошное творчество во имя всеобщего совершенства. Так одухотворяется вся природа человека. Мертвые воскресают, мы окружены нашими потомками, которые всегда были предками наших предков. Биология переоплощается в логос самой жизни»⁶.

⁶ У нас нет возможности сопоставлять здесь мысли еврейского философа о национальной психологии еврейского народа с идеями Гершензона, с этими материями как бы не связанными. Однако указать на то, что §27 брошюры Гершензона, трактующий проблемы свободы, явно отразился в цитируемом отрывке Штейнберга, необходимо. Равно как увидел что-то близкое себе Штейнберг и в §113: «В горшке соединены две субстанции: ком глины и идея горшечника. Ком глины подчинился идее, но ведь и она подчинилась ему: из глины ты можешь создать только глиняное, и даже из малого кома ее не создашь большого горшка. А подчинились они друг другу потому, что оба они – ком глины и идея горшка – равно единичны, единичное же не есть истинная сущность: оно не содержит в самом себе причину и основание своего бытия, но возникает из другого, другим

Сейчас мы не ставим перед собой проблемы целостного анализа понятий пространства и времени в тексте Штейнберга о еврейском национальном характере. Наша задача показать, что все базовые его термины и понятия связаны с той проблемой, которая Бахтина либо не интересовала вообще, либо переживалась им особым образом, что не стоит сейчас обсуждать. Однако анализ именно «пространства-времени» как некоей константы национального характера между основанными на Талмуде и Пасхальной агаде [Кацис 2012а, Кацис 2012б] докладами о Достоевском и книгой с характерным названием «Система свободы Достоевского», глубоко замешанной на памяти о рассуждениях в «Семейном вопросе в России» В.В. Розанова с его египетско-иудейским анализом «Сна смешного человека» особенностей иудейской семьи, находится в сердцевине тех построений, которые где-то развил, где-то упростил, а где-то и существенно транспонировал и преобразовал автор «Проблем творчества Достоевского» (а в дальнейшем – теории «лишь» европейского романа). И это, естественно, не укрылось ни от Штейнберга, ни от близких к нему читателей Бахтина.

Итак, Штейнберг указал, не назвав открыто автора важного для него высказывания:

Один видный еврейский писатель и литературный критик недавно дал следующую характеристику еврейского народа: «Евреи – не народ, а семья, не существует еврейской истории, есть еврейская семейная хроника, нет истории еврейской литературы, есть груда унаследованных еврейских книг». В этих отчетливых словах сформулирована проблема еврейского национального характера. В чем «внутреннее единство и цельность» того национального характера, который дал возможность многомиллионной массе, пережившей тысячелетние превратности судьбы, и для которой весь земной шар

поддерживает свое существование и от другого приемлет смерть. Истинная же сущность одна в двух видах: мир, как единство, нераздельное в пространстве и времени, и образ его в человеческом духе, образ совершенства» (*Гершензон М.* Тройственный образ совершенства. М.: Изд. Кушнерев, 1918 [Электронный ресурс]. URL: <https://imwerden.de/publ-4413.html> (дата обращения 10 октября 2019)). Такая вариация на Исайю не могла пройти мимо Штейнберга, равно как и некоторые другие библейские вариации, типа Лествицы Иакова, которые только для непосвященных выглядят обычной философией. А ведь в 1922 г. тот же Гершензон выпустил и «Судьбы еврейского народа», и в 1921 г. «Из двух углов» с Вяч. Ивановым.

заменяет домашний круг, сохранить в неприкосновенности иерархию семейственности⁷.

Время и пространство в отношении к характеру есть поистине тот глубинный пласт, в котором заложены благороднейшие породы душевной самоценности, здесь должно открыться то внешнее проявление еврейской самобытности, которая до сих пор предстоит нам в еврейской сонародственности еще только как некая «вещь в себе». Если верно то, что было сказано выше о связи между неизменяемостью, сейчас – как давно с одной стороны, и высшими формами биологической жизни, с другой, и если верно то, что еврей через это особое взаимоотношение пространства и времени впервые осознает в себе свою специфическую «родовитость», то отсюда следует, что и, наоборот, *еврейский национальный характер должен как-то совсем по-особому проявиться и по отношению к конкретному земному пространству и солнечному времени*⁸. То, что как отдельные или лишь внешне связанные разъединенные черты обрисовываются в отчетливом ли еврейском силуэте или в талантливой карикатуре на еврея, то приобретает для нас свои внутренние узаконения, как бы априорные формы целостного объединения. Из еврейского отношения к пространству и времени мы должны понять и своеобразие еврейского интеллекта, и особое содержание его воли, а отсюда – и его сложности культурной жизни во всех ее объективных разветвлениях» [Штейнберг 2018, с. 102].

⁷ Вот и неизбежное в нашем контексте мнение Штейнберга о Розанове: «Как незрелы, по сравнению с незрелостью самой проблемы, юношески легковесные сближения Вейнингера между национальным характером евреев и характером пола.

Но глубоко прав Розанов. Действительно, как это, впрочем, в более поверхностной форме повторялось на тысячу ладов и до Розанова, семейственность и ее биологические основы глубоко оригинальны в еврейской жизни. Только то, что один из глубочайших русских метафизиков пытался понять как причину и корень, есть лишь следствие и отпрыск. Еврейская семья построена по началу сверхличному, а потому и сверхсемейному, и еврей как семьянин к своей собственной семье относится с чувством святости к биологическому началу жизни не потому, что для него священна живая плоть и кровь, а потому освещается плотская жизнь для него, что само кровообращение в сознании его есть начало неплотское, сверхбиологическое, в материальном смысле призрачное и лишь в идеальном значении реализуемое. Кровь эта течет по артериям истории по млечным путям вселенной, вбирает в себя еврей молоко своей матери, и целая планета служит ему детской. Особенно важна эта последняя подробность» [Штейнберг 2018, с. 127].

⁸ Здесь остается вспомнить, что египетско-иудейский анализ «Сна смешного человека» у Розанова в «Семейном вопросе в России» называется «Дети солнца. Как они были прекрасны».

На этом можно и закончить, процитировав лишь один пассаж собственно о пространстве-времени у евреев:

Находясь с родом человеческим в пространстве, еврей сходится с ним во времени. Его общая с другими почва – не неподвижность земли, которая «вечно стоит», по слову Экклезиаста, а «преходящесть поколений», по слову того же первого из систематических еврейских мыслителей. И действительно, если в пространстве одно живое существо всегда уходит от другого, то во времени они друг от друга происходят. Поколения живых существ не столько преходящи, сколько происходящи, и еврей – это тот, который, прежде всего, «происходит».

Если для всех людей типично, что они в сознании своем вечно где-нибудь находятся и прочно стоят в центре своей местной обстановки, то для еврея наиболее характерно, что он – вечное для самого себя событие, которое ведь тоже только «происходит». Бытие еврея есть событие еврея, потому что его существование есть всегда со-существование [Штейнберг 2018, с. 135].

Это далеко не все, но теперь путь к «Системе свободы Достоевского» А.З. Штейнберга открыт. Равно как и путь Бахтина вспять от этой Свободы.

Литература

- Белоус 2005 – Белоус В.Г. Вольфила (Петроградская вольная философская ассоциация) 1919–1924: В 2 кн. Кн. 1: Предыстория. Заседания. М.: Модест Колеров и «Три квадрата», 2005. 842 с. (Серия «Исследования по истории русской мысли»)
- Кацис 2012а – Кацис Л.Ф. Доклад А.З. Штейнберга в Вольфиле «Достоевский как философ» и его русские и еврейские оппоненты; А.А. Мейер vs А.З. Штейнберг // Кацис Л.Ф. Смена парадигм и смена Парадигмы: Очерки русской литературы, искусства и науки XX века. М.: РГГУ, 2012. С. 472–493.
- Кацис 2012б – Кацис Л.Ф. А.А. Мейер vs А.З. Штейнберг // Кацис Л.Ф. Смена парадигм и смена Парадигмы: Очерки русской литературы, искусства и науки XX века. М.: РГГУ, 2012. С. 493–523.
- Штейнберг 2011 – Штейнберг А. Философские сочинения / Сост., предисл., именной указ., ст. В.Г. Белоуса; комм., ст. Л.Н. Столовича. СПб.: Изд. дом. «Мирь», 2011.
- Штейнберг 2014 – Штейнберг А. Проза философа / Сост., вступ. ст. и комм. Н. Портновой. München: Im Werden Verlag, 2014. 300 с. [Электронный ресурс]. URL: https://imwerden.de/pdf/steinberg_proza_filosofa_2014.pdf (дата обращения 10 октября 2019).

- Штейнберг 2017 – *Штейнберг А.* Дневники (1909–1971). Ф.М. Достоевский / Сост., подг. текста и комм. Н. Портновой // Исследования по истории русской мысли. Т. 19. М.: Модест Колеров, 2017. 384 с.
- Штейнберг 2018 – *Штейнберг А.З.* О еврейском национальном характере (социально-психологический этюд) / Публ. Н. Портновой // Исследования по истории русской мысли. Ежегодник за 2018 год. М.: Модест Колеров, 2018. С. 98–159.

References

- Belous, V. (2005), *Vol'fila (Petrogradskaya vol'naya filosofskaya assotsiatsiya)* [Vol'fila (Petrograd Free Philosophical Association) 1919–1924], in 2 books, Vol. 1: Its back story. Its session meetings, Modest Kolerov i “Tri kvadrata”, Moscow, Russia. (Seriya «Issledovaniya po istorii russkoy mysli». V. 11)
- Katsis, L.F. (2012a), “A.Z. Steinberg’s report in Vol'fila ‘Dostoevsky as a philosopher’ and his Russian and Jewish opponents”, *Smena paradigm i smena Paradigmy. Ocherki russkoi literatury, iskusstva i nauki XX veka* [The paradigms change and the shift of a Paradigm. Essays on Russian literature, art and science of the 20th century], RGGU, Moscow, Russia, pp. 472–493.
- Katsis, L.F. (2012b), “A.A. Meyer vs A.Z. Steinberg”, *Smena paradigm i smena Paradigmy. Ocherki russkoi literatury, iskusstva i nauki XX veka* [The paradigms change and the shift of a Paradigm. Essays on Russian literature, art and science of the 20th century], RGGU, Moscow, Russia, pp. 493–523.
- Steinberg, A. (2011), *Filosofskie sochineniya* [Philosophical Works], compiled., foreword, name index, article by V.G. Belous; com., article by L.N. Stolovich, Izd. dom. “Mir”, Saint Petersburg, Russia.
- Steinberg, A. (2014), *Proza filosofa* [Prose of the philosopher], compiled, foreword and commentary by N. Portnova, ImWerden Verlag, München [Online], available at: https://imwerden.de/pdf/steinberg_proza_filosofa_2014.pdf (Accessed 10 October 2019).
- Steinberg, A. (2017), “Diaries (1909–1971). F.M. Dostoevsky”, *Issledovaniya po istorii russkoi mysli* [Studies on the history of Russian thought], vol. 19, Comp., text prep. and comm. by N. Portnova, Modest Kolerov, Moscow, Russia.
- Steinberg, A.Z. (2018), “On the Jewish national character (socio-psychological study)”, Publ. by N. Portnova, *Issledovaniya po istorii russkoi mysli. Ezhegodnik za 2018 god* [Studies on the history of Russian thought. The 2018 Yearbook], Modest Kolerov, Moscow, Russia.

Информация об авторе

Леонид Ф. Кацис, доктор филологических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125993, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; batya-94@mail.ru

Information about the author

Leonid F. Katsis, Dr. of Sci. (Philology), associate professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125993; batya-94@mail.ru